

УДК 551

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (на примере Костромской области)

© 2010 г. И.Ф. Кузьминов

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 29.01.2010 г.

В статье определяются рамочные условия для выявления современных социально-экономических проблем лесопромышленных комплексов (ЛПК) регионов севера Европейской России, и проводится анализ этих проблем для регионального и локального уровней на примере Костромской области. Выявляются основные институциональные изменения 1990–2000-х гг., экономические проблемы региональных ЛПК и их социальные последствия, а также реакция предприятий и сельских сообществ Костромской области на новый экономический кризис в 2009 г.

Введение. Лесосырьевые регионы с доминирующим положением лесопромышленного комплекса (ЛПК) в экономике сталкиваются с рядом специфических проблем, главными из которых являются: 1. рассредоточенный характер ресурсной базы; 2. чрезвычайная зависимость от государственного регулирования лесных отношений; 3. высокая значимость фактора размещения лесосырьевых баз относительно обрабатывающих производств, а значит транспортных издержек; 4. удаленность и изолированность населенных пунктов, специализирующихся на лесозаготовках, а также преимущественно мелкоселенная система сельского расселения. Социальное благополучие населения лесосырьевых районов в значительной степени зависит от финансово-экономического положения отдельных предприятий ЛПК. Очаги социальной напряженности всегда локальны и возникают в первую очередь в населенных пунктах, специализированных на одной отрасли промышленности, а в особенности в поселках одного предприятия.

Цель статьи – показать взаимосвязь институциональных и экономических изменений ЛПК и их социальных последствий в северных регионах Европейской России и более подробно в Костромской области как типичном представителе регионов, сильно зависимых от лесопромышленного комплекса. По мнению Пилясова [14], там, “где основные ценности определяются ареальными, рассредоточенными природными ресурсами (а не локализованными в городах материальными

активами), пренебрежение пространственными факторами... особенно опасно”. Поэтому более подробно рассматриваются территориальные особенности организации ЛПК в восточных районах Костромской области, которые могут быть охарактеризованы как “двойная периферия”, поскольку граничат с депрессивными частями других регионов.

Реструктуризация национального лесопромышленного комплекса в 1990–2000-е годы: общие тенденции. Лесопромышленный комплекс России играет заметную роль в национальной экономике, обеспечивая работой более 1 млн. чел. Исходя из показателя освоения расчетной лесосеки (не более 30% в целом по стране), роль ЛПК в экономике может быть значительно выше.

Наиболее слабая сторона ЛПК России, возникшая еще в советское время, нехватка мощностей по глубокой переработке древесины [19] и, как следствие, необходимость либо экспортировать необработанный лес – продукцию с низкой добавленной стоимостью, либо сокращать объемы лесозаготовок, снижая отдачу от дорогостоящей инфраструктуры и ликвидируя рабочие места.

Отставание СССР (РФ) от США в обеспечении лесозаготовок мощностями глубокой переработки было постоянным. В современной России тенденция опережающего развития производства бумаги по отношению к производству целлюлозы, устойчивая в Соединенных Штатах, только начинает намечаться. Медленный и согласованный

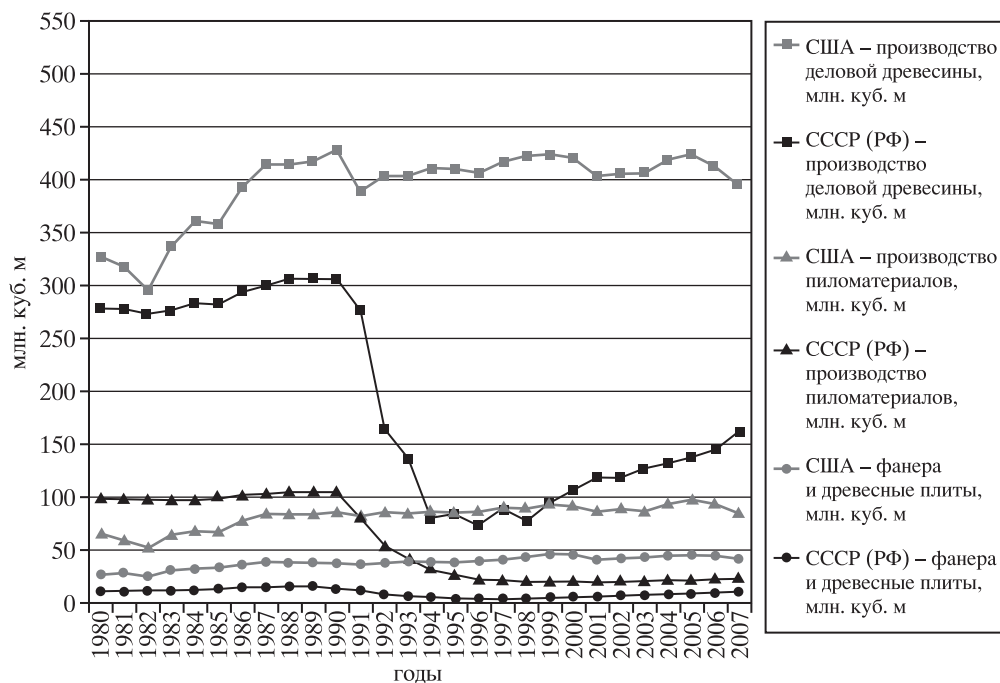

Рис. 1. Основные показатели лесопромышленных комплексов США и СССР (РФ) в 1980–2007 гг. по данным ФАО.

рост обоих показателей в постсоветской России свидетельствует о том, что трансформация ЛПК отнюдь не носила черт вырождения с обвалом высокотехнологичных производств, как это имело место, например, в ряде отраслей машиностроения.

Рисунок 1 демонстрирует динамику соотношения добычи сырья, грубой деревообработки и глубокой деревопереработки в двух мощнейших лесопромышленных комплексах мира – США и СССР (РФ)¹. Из рисунка видно, что преобладание грубой обработки древесины над высокотехнологичной деревопереработкой наблюдалось задолго до распада СССР. Характерная для СССР диспропорция между объемом заготовки леса и глубокой деревопереработки заметно смягчилась в постсоветской России за счет резкого сокращения лесозаготовок, сопровождавшегося территориальной концентрацией, стягиванием к наиболее благоприятным для заготовки территориям.

Системный кризис экономики начала-середины 1990-х и компенсационный подъем конца 1990-х – начала 2000-х годов в разной степени затронули различные подотрасли ЛПК. К 1998 г. (нижней точке спада) больше всего пострадали

вывозка древесины и производство пиломатериалов (соответственно 25 и 19% по отношению к 1990 г. (см. рис. 1). С конца 1990-х основная часть инвестиций, направлявшихся в лесопромышленный комплекс, приходилась на предприятия целлюлозно-бумажной промышленности, причем не на строительство новых, а на техническое перевооружение существующих [3].

В период роста ЛПК в конце 1990-х – начале 2000-х годов на успех региональных лесозаготовительных комплексов оказывали влияние, главным образом, два фактора [4]: степень развития целлюлозно-бумажной подотрасли региона; наличие в регионе экономически доступной транспортной инфраструктуры для экспорта круглого леса и близость региона к границе в направлении стран-импортеров (рис. 2).

Институциональные изменения 1990–2000 гг. и адаптация предприятий. Тяжелым испытанием для ЛПК постсоветской России стали частые и кардинальные изменения “правил игры” в отрасли.

Первой и наиболее разрушительной для унаследованного от Советского Союза ЛПК реформой стала приватизация средств производства. Оставшиеся в государственной собственности предприятия ЛПК проявляли, в целом, пониженную эффективность деятельности, поскольку, во-первых, приватизации подвергались наиболее успешные, и, во-вторых, продажа пакетов акций

¹ Неразрывный переход от показателей ЛПК СССР к показателям ЛПК РФ в 1991 г. обоснован, поскольку РФ сосредотачивает подавляющую часть лесного фонда и мощностей лесозаготовки и деревообработки стран бывшего СССР.

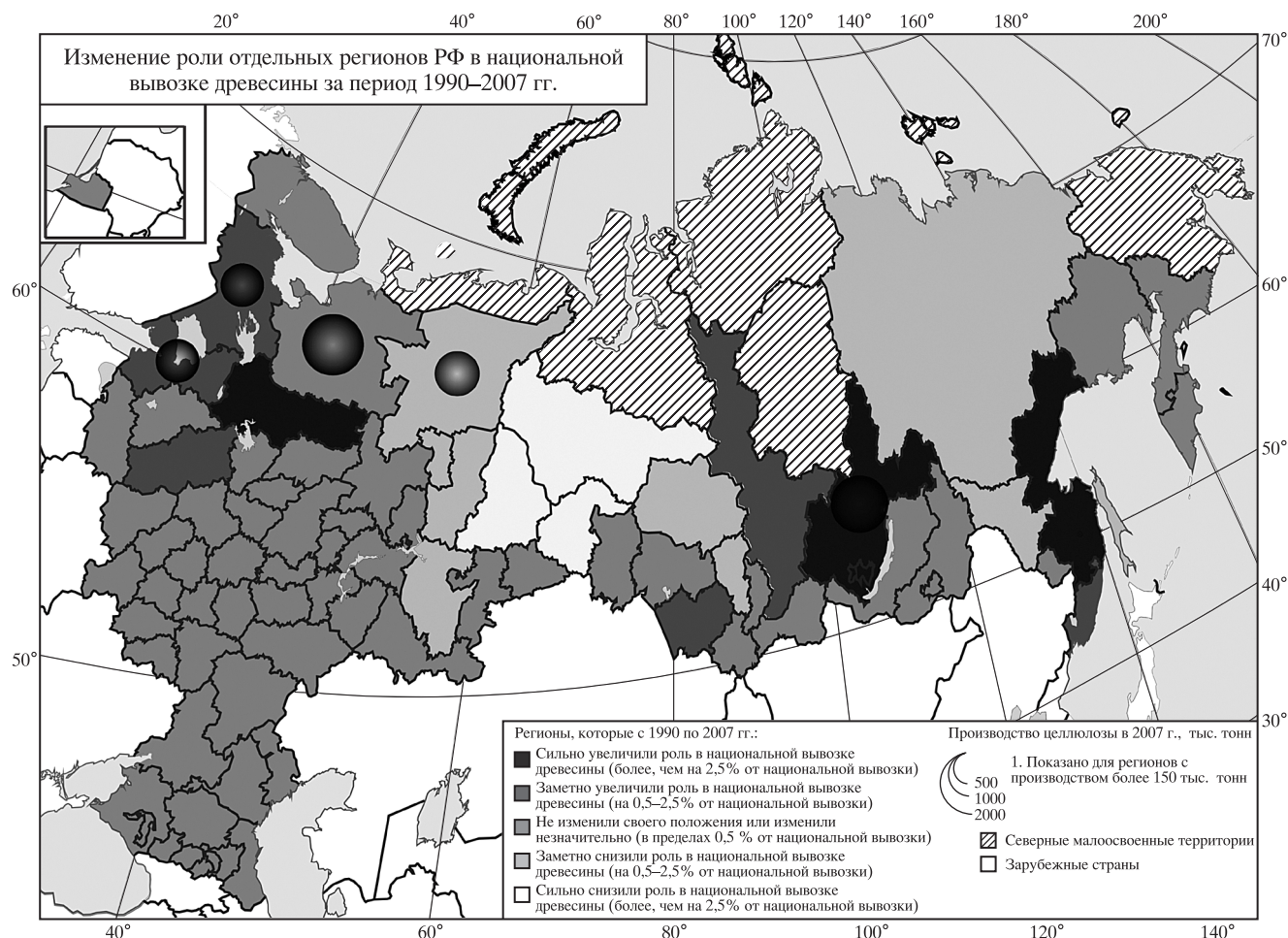

Рис. 2. Изменение доли отдельных регионов РФ в национальной вывозке древесины за период 1990–2007 гг.

обеспечивала приватизируемым предприятиям поступление инвестиций [18].

Обрабатывающие предприятия, выполняющие различные функции в технологических цепях, тщательно выстроенных в рамках советских производственных объединений, зачастую оказывались в руках различных собственников, что приводило к рассогласованию политики ценообразования, сроков и объемов поставок. Результатом становилась приостановка функционирования целых территориально-промышленных комплексов, например, Братско-Усть-Илимского в 1994 г. [19].

Ускоренному разрушению основных фондов ЛПК в 1990-е годы способствовала и либерализация экспорта. Децентрализация экспортной деятельности не только привела к нежелательным сдвигам в его структуре (рост экспорта наиболее ценной хвойной древесины в необработанном виде), но и нанесла удар по отечественной обрабатывающей промышленности, позволив коммер-

ческим организациям скупать лес у леспромпхозов по более высокой цене, чем могли предложить отечественные деревообрабатывающие предприятия [18].

На фоне приватизации произошла кардинальная реформа лесного законодательства [11]. Леспромпхозы, имевшие производственные мощности по заготовке и переработке древесины, лишились в 1993 г. закрепленных за ними лесосырьевых баз долгосрочного пользования. Предоставление лесного фонда в пользование стало осуществляться на основе прямых переговоров, торгов и конкурсов. Таким образом, право распоряжения лесным фондом было делегировано на низший уровень регионов – в районы, и местные власти получили широкие права, не отягченные обязательствами по обеспечению народного хозяйства и населения лесоматериалами. В результате коммерческие структуры стали внедряться в лесосырьевые базы леспромпхозов, использовать их транспортную сеть, рабочие кадры и технику.

Лесной кодекс (ЛК) 1997 г. [7] уточнял и развивал положения прежнего законодательства. Что касается нового Лесного кодекса, вступившего в силу 1 января 2007 г., то он изменил систему лесоуправления и лесных отношений коренным образом [6, 21].

Главными нововведениями стали следующие.

При сохранении федеральной собственности на земли лесного фонда и лесные участки полномочия по управлению лесами и практически все полномочия по осуществлению государственного контроля и надзора переданы на уровень субъектов РФ.

Субъектам РФ были также переданы лесхозы вместе с их имуществом и предписано реформировать их с тем, чтобы исключить совмещение хозяйственных и управляющих функций в пределах одной организации. Лесхозы были государственными учреждениями, осуществлявшими выдачу разрешений на рубку, контроль за соблюдением лесохозяйственных требований, выписывание и взимание штрафов, а также проведение лесовосстановления и ухода за лесами, в том числе рубок ухода с реализацией вырубленной древесины. Такое совмещение функций открывало простор для злоупотреблений, в том числе для проведения сугубо коммерческих рубок под видом рубок ухода с изъятием лучших деревьев, а не больных. В результате реформы лесхозы были расформированы, на их месте созданы организации, лишённые полномочий по хозяйственной деятельности, а также по взиманию штрафов. Функции ухода за лесом на арендованных участках были переданы частным компаниям – арендаторам (с принудительным расторжением договора аренды в случае невыполнения обязательств); на остальных лесных участках – специально созданным государственным предприятиям, осуществляющим деятельность по государственным контрактам. Эти компании поглотили основную часть штата бывших лесхозов.

Новый Лесной кодекс вместо разрешительной системы лесопользования ввел заявительную, основанную не на выдаче лесорубочных билетов, разрешающих рубку на указанных выделах в указанном объеме, а на контроле за соблюдением арендаторами планов, заявленных ими в проектах освоения лесов и лесных декларациях. Необходимость адаптации к применению новых документов ударила сильнее всего по малым лесозаготовителям, а крупным компаниям с компетентными специалистами в штате открыла новые возможности для недобросовестной деятельности.

Аукционный способ распределения лесных ресурсов допускает к участию в аукционе лиц, кото-

рые не имеют реальной возможности для осуществления лесопользования и намерены передать арендованные участки в субаренду или арендуют лесные участки вокруг крупных предприятий для получения рычагов давления в рамках ведения корпоративных войн.

Поправки к действующему ЛК РФ, принятые в начале 2009 г. [21], делающие невозможной куплю-продажу лесных насаждений в целях ведения хозяйственной деятельности, оказали наибольшее влияние на малые предприятия и индивидуальных предпринимателей. С весны 2009 г. единственной возможностью получить древесину на корню стала для всех предприятий аренда лесных участков, налагающая также обязательства по охране и защите лесов, являющиеся для малых предприятий непосильной ношей. Принятие нового закона поставило их перед выбором: свертывать деятельность или переходить к незаконным рубкам. Таким образом, новый закон усугубил и без того тяжелое в связи с последствиями финансово-экономического кризиса положение малых лесозаготовителей.

Отмена Лесного кодекса 1997 г. вызывала экономические трудности у многих сельскохозяйственных производственных кооперативов, а региональные и местные власти лишила важного рычага влияния на сельскохозяйственные производственные кооперативы. Для многих из них в условиях убыточного сельского хозяйства рубка лесных насаждений и продажа древесины на участках, предоставлявшихся им в безвозмездное пользование, была единственным способом избежать коллапса. Выделяя сельскохозяйственным производителям лес для рубки, региональные власти стимулировали их к достижению заданных показателей сельскохозяйственного производства.

Передача субъектам Федерации широких полномочий по управлению лесами в соответствии с новым Лесным кодексом стала предпосылкой для *регионализации лесоуправления* [5].

Основные проблемы современных региональных ЛПК России. Проблемы региональных ЛПК могут быть обусловлены разнообразными факторами. Полимасштабный подход [20] требует выделение трех групп факторов, имеющих различный географический охват.

Факторы отраслевые, характерные для лесозаготовительной подотрасли всех северных многолесных стран:

– дисперсное и тяготеющее к периферийным районам размещение лесозаготовительных мощ-

ностей, обуславливающее характер размещения рабочей силы, а через нее всего населения, социально-бытовой инфраструктуры и малых деревообрабатывающих производств;

– ограниченность расстояния экономически целесообразной транспортировки сырья в силу площадного размещения источника сырья и капиллярной схемы концентрации его потоков;

– сезонный характер работы, требующий избыточной территориальной концентрации средств производства и вынуждающий лесозаготовительные компании либо завозить дорогостоящую рабочую силу извне, либо искать районы с традиционно высоким уровнем безработицы;

– необходимость постоянного поддержания производственных мощностей по вывозке древесины за счет освоения новых лесных массивов и строительства сети лесовозных дорог, т.е. к территориальному распылению инвестиций, к чему обычно не готов бизнес, и на что может пойти только государство;

– колебания конъюнктуры мировых рынков лесобумажной продукции, оказывающие наиболее пагубное воздействие на транспортно изолированные монопрофильные лесные поселки.

Факторы национальные, специфичные для постсоветской России:

– приватизация производственных мощностей, часто нарушавшая согласованное функционирование территориально-промышленных комплексов;

– коренные изменения лесного законодательства в 1993 и 2007 гг., подорвавшие работу предприятий с закрепленными сырьевыми базами и давшие возможность аренды леса организациям, расположенным вне данного региона и не имеющим собственных мощностей по переработке древесины;

– перманентное реформирование лесопромышленного управления, вносящее организационную неразбериху;

– систематическое недоинвестирование лесозаготовительной инфраструктуры (в первую очередь строительства лесовозных дорог), приведшее к сжатию освоенного пространства в лесосырьевых регионах.

Факторы этих двух групп оказывают влияние на ЛПК любого региона страны. В то же время существует ряд факторов, представленных специфически в Костромской области. Выявление их значимости для какого-либо другого региона позволит сделать вывод о сходствах или различиях условий функционирования ЛПК в Костромской области и других регионах.

Факторы региональные, актуальные для Костромской области:

– неспособность экономики поглотить высвободившуюся в результате постсоветского сжатия лесозаготовок рабочую силу, обусловленная слабой развитостью других отраслей промышленности, нехваткой больших городов, пространственной дисперсностью размещения рабочей силы;

– несоответствие породной структуры древостоев потребностям обрабатывающих предприятий (преобладание мелколиственных пород и нехватка хвойных), возникшее в результате крупномасштабных, часто превосходивших расчетную лесосеку, заготовок советского времени;

– оторванность лесосырьевой базы от крупных центров переработки древесины, предъявляющих спрос на широкий спектр сортов сырья;

– удаленность от границы в направлении стран-импортеров необработанного леса.

Специфика северных лесопромышленных районов. Северную периферию, к которой можно отнести и северо-восточные районы Костромской области, отличает ряд специфических проблем. В их числе называют “недостаток предпринимателей и предпринимательской активности”, “дефицит квалифицированных кадров”, “высокие издержки бизнеса” [15] и др. Они могут быть в разной степени выражены для разных регионов, при этом факторы, определяющие состояние и динамику локальных периферийных сообществ в период постсоветской трансформации, неизменны. Наряду с экономико-географическим положением к ним относятся судьба местообразующего [9] предприятия, социальная укорененность основной экономической деятельности, степень деградации социальной среды [15]. Последнее явно проявляется в Костромской области в крупных лесозаготовительных поселках. Хотя во второй половине XX в. их население сильно уменьшилось, там все еще проживает по 500–1000 чел. и более. Деревообрабатывающие предприятия, как правило, захвачены внешними собственниками, которые не поддерживают диалога с районной властью, а страдающие от плохих условий работники не способны самоорганизоваться для защиты своих прав и не откликаются на инициативы районных властей. В более мелких поселениях предприятия часто принадлежат местным предпринимателям. И хотя социальная деградация здесь тоже велика в результате длительного оттока активной части населения и алкоголизации оставшихся [10], наблюдаются взаимная поддержка и доверительные отношения между бизнесом и властью.

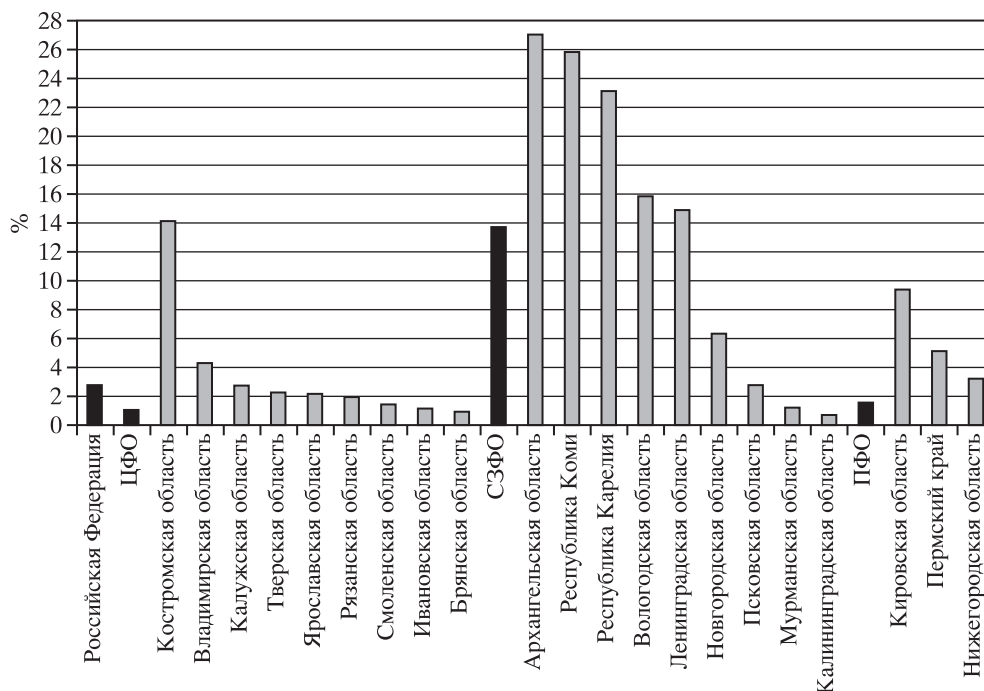

Рис. 3. Доля занятых в лесозаготовках в среднегодовой численности занятых по виду экономической деятельности “Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство” в лесных регионах ЦФО, СЗФО и ПФО в 2008 г. (по данным [17]). Южные регионы ЦФО даны для справки.

Таким образом, при оценке адаптивности населения к негативным экономическим явлениям недостаточно анализа ни на региональном уровне, ни на уровне муниципальных районов. Оценка должна проводиться дифференцированно по сельским поселениям, а в отдельных случаях и по конкретным населенным пунктам.

Лесопромышленный комплекс Костромской области. Костромская область – наиболее лесной регион Центра России как по лесистости (74%), так и по доле занятых в лесной отрасли (рис. 3)².

В то же время ЛПК области существенно уступает по масштабу лесопромышленным комплексам лесных регионов Северного и Приволжского ФО (рис. 4). Костромская область, бывшая уникальной

по объему лесозаготовок для Центральных регионов в советское время, перестала быть таковой.

На рис. 4 просматривается вектор увеличения разрыва между показателями 2008 и 1990 гг., во-первых, от приграничных к удаленным от границы регионам, во-вторых, от инфраструктурно обеспеченных к периферийным, в-третьих, от регионов с еще сохранившейся ресурсной базой к регионам, где она сильно подорвана. В этом отношении положение Костромской области нельзя считать удачным. Играя чрезвычайно важную роль в социально-экономическом функционировании региона, ЛПК Костромской области не обладает значимыми конкурентными преимуществами по сравнению с другими регионами. В то же время несмотря на удаленность от границы со странами – торговыми партнерами, не имея существенных запасов полезных ископаемых, отличаясь истощенными запасами хвойной, наиболее ценной древесины, низкой плотностью населения, неравномерной системой центральных мест [1], словом, будучи регионом с чрезвычайно низкой инвестиционной привлекательностью, Костромская область стала регионом базирования очень крупного высокотехнологичного деревообрабатывающего производства, возникшего в результате прямых зарубежных инвестиций. Зарубежный концерн “Кроно Свисс Групп” в 2002 г. разместил на востоке области плитное предприятие, поскольку

² Рисунок 3 требует пояснений. Во-первых, лесозаготовками в отличие от производств высших технологических этажей ЛПК занимаются многочисленные малые организации и индивидуальные предприниматели, часто использующие непрозрачные схемы трудоустройства. В связи с этим показатель числа занятых в лесозаготовках, по всей видимости, можно считать заниженным для всех лесных регионов. Во-вторых, лесозаготовки различаются ярко выраженной сезонностью, и показатель среднегодовой численности работников не отражает пиковых потребностей лесозаготовительной подотрасли в рабочей силе, приходящихся, как правило, на ноябрь–март.

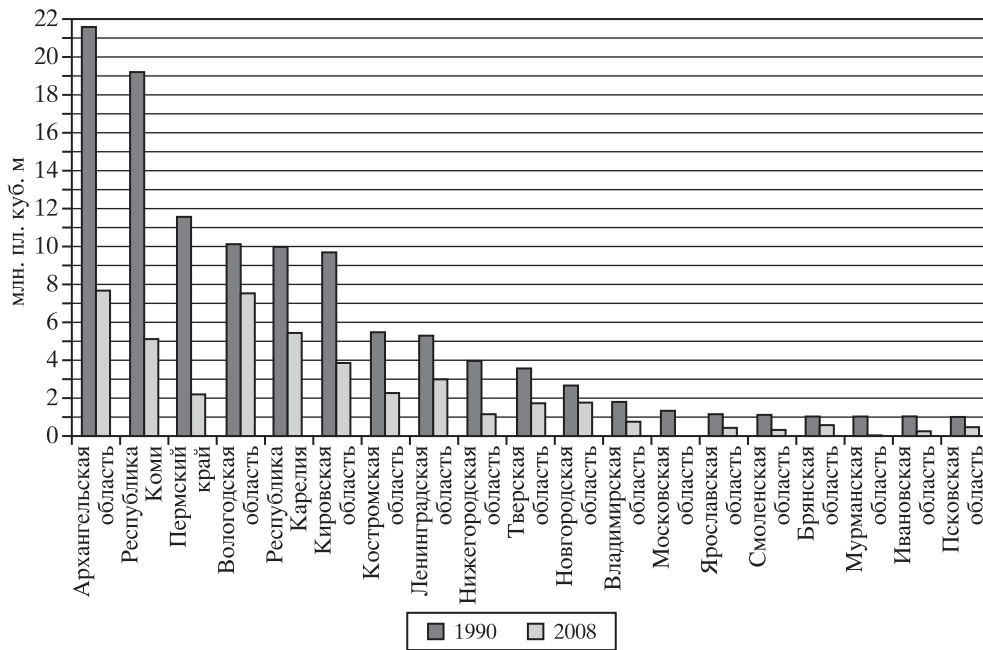

Рис. 4. Объемы производства деловой древесины в основных лесозаготовительных регионах Европейской России в 1990 и 2008 гг. (по данным [17]). Данные по южным регионам ЦФО даны для справки.

ку здесь была возможна недорогая аренда крупной лесосырьевой базы по причине отсутствия интереса со стороны других компаний отрасли.

Динамика объемов производства подотраслей ЛПК Костромской области укладывается в общероссийскую тенденцию первоначального стремительного обвала всех подотраслей с дальнейшим медленным восстановлением, характеризующимся опережающим ростом подотраслей более глубокой переработки. Характер роста объемов плитного производства в 2000-е годы свидетельствует о том, насколько значимым для области с ее слабой индустриальной базой является крупномасштабное плитное производство “Кроностар” в г. Шарья (рис. 5). Ожившая с приходом “Кроностара” Шарья, единственный растущий город в области в последние годы, несмотря на свой небольшой размер (38.6 тыс. жителей) претендует на положение субрегиональной столицы. Это особенно важно для развития восточной части области, учитывая западный эксцентриситет областного центра. Депопуляция сельской местности, конечно, будет продолжаться вне зависимости от траектории развития Шарьи. В то же время рост города может привести к возникновению пригородной зоны более рентабельного сельского хозяйства, наподобие зоны вокруг Костромы [9].

“Кроностар”, несколько других крупных деревообрабатывающих предприятий (фанерные ком-

бинаты в Костроме и Мантурово, производство пиломатериалов в Шарье) и некоторые средние предприятия (например, деревообрабатывающий завод в Макарьеве) являются островками благополучия на фоне проблемных лесозаготовительных предприятий и малых деревообрабатывающих предприятий, которые весьма тесно взаимосвязаны.

Современный кризис и проблемы лесохозяйственной отрасли Костромской области. Проблемы лесозаготовительной подотрасли заметно обострились в условиях текущей экономической рецессии. Сведем эти проблемы в несколько групп.

1. Экономические и технологические проблемы лесозаготовительной подотрасли, вызванные особенно ярко выраженной сезонностью в вывозке древесины, из-за плачевного состояния лесовозных дорог. В постсоветской России практически прекратилось систематическое строительство лесовозных дорог круглогодичного действия. Сократился также объем работ по поддержанию существующей сети дорог. Результатом стало разрушение лежневых (из хлыстов, настеленных поверх бревен) покрытий. Грунтовые же дороги без лежневых покрытий в лесных массивах непроходимы для лесовозной техники с апреля по ноябрь, а в отдельных случаях с марта по декабрь. Возникает необходимость за 3–5 мес. осуществлять вывозку древесины в объеме,

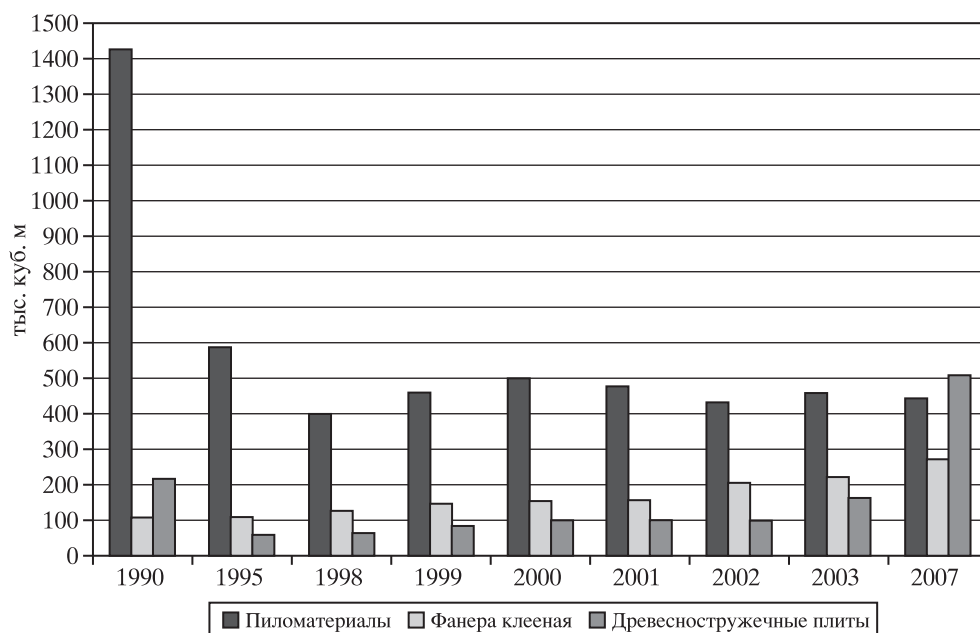

Рис. 5. Динамика объемов производства основных видов продукции переработки древесины в Костромской области за 1990–2007 гг., тыс. м³ (по данным “Проекта Лесного плана Костромской области” от 02.08.08).

потребляемом деревообрабатывающими предприятиями за год. Это приводит к потребности в расширенном парке лесовозной техники, что увеличивает себестоимость продукции. Проблема найма работников не возникает по причине избытка незанятой рабочей силы в лесных районах области. Для *деревообрабатывающих предприятий* сезонность заготовок оборачивается проблемами технологического характера, поскольку заготовленная древесина не может пребывать в необработанном состоянии дольше полугода без потери качества. Поэтому предприятия вынуждены либо жертвовать качеством, а значит и стоимостью продукции, либо проводить обработку в сжатые сроки (что проблематично в связи с дороговизной оборудования и недопустимостью его простоя), либо создавать емкости (заводские пруды, затоны на реках) для хранения необработанной древесины в летние месяцы.

2. Проблемы, связанные с повышенными издержками на транспортировку древесины от мест заготовки к мощностям по обработке. Повышенные транспортные издержки обусловлены целым рядом причин. Во-первых, обрабатывающие предприятия “нанизаны”, главным образом, на железнодорожную магистраль, от которой началось освоение лесных массивов и вдоль которой леса истощены. Во-вторых, альтернативой не может являться транспортировка по железной дороге, которая в связи с организационными причинами дешевле только для очень больших

объемов древесины. В-третьих, автодорожное полотно на региональных трассах не рассчитано на большегрузный транспорт, который мог бы сделать дальнюю автомобильную транспортировку дешевле. В-четвертых, низкое качество второстепенных лесовозных дорог вынуждает включать в технологическую цепочку перегрузку вывозимого леса с грузовиков повышенной проходимости на трассовые грузовики, что также повышает издержки. Не будучи в состоянии самостоятельно инвестировать в инфраструктуру и стремясь адаптироваться к существующим условиям, лесозаготовители ориентируются на сырьевые базы, приближенные к транспортным магистралям хорошего качества. На протяжении всего постсоветского времени *происходит стягивание лесозаготовок к заселенным и транспортно освоенным зонам*, что приводит к транспортной недоступности ценных лесных запасов и истощению доступных.

3. Проблемы, связанные с доступностью ценных и малоценных с эксплуатационной точки зрения лесных массивов. Результатом крупномасштабной эксплуатации лесов области в позднесоветское время стало преобладание мелколиственных насаждений (березы и осины), не характерных для коренных лесов южной тайги. По состоянию на середину 2000-х годов соотношение мелколиственных и хвойных насаждений в площади лесного фонда составляет 53/47, а в допустимом годовом объеме изъятия древесины

72/28 (по данным Лесного плана Костромской области, 2008).

В этом плане Костромская область служит типичным примером лесного региона Европейской России, где за постсоветский период сложилась четкая закономерность концентрации сукцессионных мелколиственных лесов низкой ценности в транспортно доступных районах и избытка *технически недоступных* ценных спелых и перестойных хвойных насаждений на периферии. Многие лесные массивы стали недоступны в связи с практическим прекращением строительства лесовозных дорог, деградацией существующих, исчезновением почти всех узкоколейных железных дорог и закрытием большинства сплавных контор. На территориях, подвергавшихся вырубкам в середине XX в., формируются припевающие хвойные насаждения, которые через одно–два лесостроительства (10–20 лет) будут представлять огромную ценность. Те из них, что расположены ближе к крупным райцентрам или трассам регионального и федерального значения, вполне вероятно, будут заново транспортно освоены. В остальных возвращение к заготовкам, скорее всего, не состоится, поскольку спрос на лесное сырье достаточно волатилен, а инфраструктурные проекты слишком длительны для того, чтобы являться реакцией на его колебания, а не причиной этих колебаний.

Состав и размещение сырья обуславливают профиль деревообрабатывающей промышленности. Фанерные производства области совокупной мощностью более 180 тыс. м³ в год [16] оказались достаточно устойчивыми в период кризисной трансформации ЛПК благодаря изобилию профильного сырья (березовый фанерный кряж). Возрождение производства древесных плит в Шарье мощностью более 500 тыс. м³ в год [16] стало возможно благодаря относительной неприхотливости производства к сырью.

Новой идеей региональных властей стало строительство на востоке области в г. Мантурово крупного целлюлозно-бумажного комбината, мощностью 800 тыс. т целлюлозы в год. Одной из позиций, не устраивавших регион в первоначальном варианте проекта [13], была ориентация на хвойную древесину. Новый, одобренный проект предприятия такой же мощности со сменившимся инвестором, включенный в перечень приоритетных инвестиционных проектов России в области освоения лесов [12], но остановленный текущим кризисом, ориентирован на использование древесины мелколиственных пород.

Транспортный фактор как сдерживающий развитие лесозаготовок следует рассматривать в Костромской области (и ряде других регионов Европейской России) дифференцированно для заготовок хвойных (существенно более дефицитных) и мелколиственных пород. В последнем случае значимость этого фактора значительно ниже, поскольку вторичные мелколиственные древостои распространены повсеместно и концентрируются в районах, где ранее велись наиболее активные лесозаготовки, т.е. в наиболее транспортно доступных.

4. Проблемы, обусловленные совокупным действием экономической рецессии и новой региональной политики лесопромышленности, реализация которой была бы невозможна без введения в действие нового Лесного кодекса РФ. Костромская область в 2007–2009 гг. является примером региона, где характер региональной политики лесопромышленности, обретшей значительную свободу с вводом в действие нового ЛК, усугубил тяжелое состояние лесного сектора. Получив возможность управлять стартовой ценой лотов на аукционах купли-продажи лесных насаждений и аукционах на право заключения договора аренды лесных насаждений, региональная исполнительная власть установила минимальные ставки в размере, в несколько раз превышающем минимальные федеральные ставки. В 2008 г. продолжался рост спроса на лесобумажную продукцию, соответственно спрос лесозаготовителей на древесину на корню был крайне неэластичным, и произошло временное увеличение доходов регионального бюджета. Рецессия стала ощущаться в ЛПК области в начале 2009 г. (контракты на поставку продукции всех этапов технологической обработки заключаются, как правило, сроком на 1 год). В силу скачкообразного повышения эластичности спроса арендаторов при чрезвычайно негибкой ценовой политике региональной власти в первом квартале 2009 г. прошла волна расторжений договоров аренды крупными лесозаготовителями, отказов от участия в аукционах со стороны средних и малых, отказов от закупок сырья, заготовленного в области, со стороны деревообрабатывающих предприятий. В результате региональный и муниципальные бюджеты практически лишились важной статьи доходов – платы за использование лесов. Объем поступлений в бюджеты по данной графе за первое полугодие 2009 г. был меньше, чем за соответствующий период предыдущего года, в 3–10 раз в зависимости от ситуации в конкретном муниципальном образовании [23]. Наибольшее сокращение произошло

в муниципальных районах, где ключевые лесозаготовители (ООО “Кронолеспром”, ООО “ЛПК”) ранее арендовали крупные лесосырьевые базы (Шарьинский, Павинский, Вохомский районы), наименьшее – в районах, где интересы ключевых лесозаготовителей ранее отсутствовали, и структура аренды по собственникам была мозаичной (Макарьевский район).

При комплексном воздействии негативных факторов в условиях текущей экономической рецессии прослеживается смена ключевого подавляющего фактора в зависимости от масштаба деятельности хозяйствующего субъекта. Крупнейшие предприятия пострадали именно от последствий нового кризиса: падения спроса на древесину в связи с уменьшением потребностей строительной индустрии. Средние предприятия пострадали больше всего от новой политики лесоправления региональной исполнительной власти, в частности от изменения отпускной цены за древесину на корню. Малые же предприятия, например пилорамы, принадлежащие индивидуальным предпринимателям, специализирующиеся на производстве дешевых и востребованных широкими слоями населения пиломатериалов, а также дров, оказались нечувствительны к кризису, но сильно пострадали от запрета на отпуск древесины через аукционы купли-продажи, введенного поправками к ЛК РФ, сделанными в 2009 г. [22, поправка к п. 8 ст. 29 ЛК РФ].

Таким образом, в силу ряда конкурентных недостатков лесозаготовительной подотрасли Костромской области наблюдается повышенная уязвимость предприятий региона, обслуживающих высокотехнологичные экспортно-ориентированные производства (фанерные, плитные), вследствие колебаний цен на мировом рынке, а предприятий, обслуживающих производства пиломатериалов, вследствие колебаний цен на внутреннем рынке.

Локальные особенности социально-экономической адаптации населения проблемных лесопромышленных районов. Техничко-экономические и транспортные проблемы заметно обострили социальные проблемы в поселениях Костромской области.

Это прежде всего *проблемы, связанные с социально-экономической уязвимостью крупных монопрофильных лесных поселков, выросших в советское время при леспромхозах и лесопунктах.* Их удаленность от районных центров и региональных трасс обуславливает застойный характер безработицы после сокращения потребностей лесозаготовительной подотрасли в рабо-

чей силе. Поселки слишком велики для ликвидации и переселения, но недостаточно велики для возникновения процессов саморазвития сообществ и соответственно возникновения новых рабочих мест в результате эффекта мультипликатора. Они отличаются наибольшим числом обращений в местные центры занятости с начала 2009 г. Социальная напряженность смягчается, если такой поселок располагается вблизи транспортной магистрали. Это обеспечивает устойчивость функционирования малых деревообрабатывающих предприятий и дает возможность населению совершать трудовые поездки в районный центр и торговать пищевыми продуктами на трассе в розницу, а не через перекупщиков. Значительно более сложная ситуация складывается в глубоко периферийных лесных поселках.

Социальные проблемы остальных сельских поселений во многом возникают из-за низкой предпринимательской активности населения и усложнения доступа населения и малых лесозаготовительных предприятий к официальному использованию лесных ресурсов. Проблемы усугубляются лишением сельскохозяйственных предприятий, которые остаются главными работодателями в сельской местности, возможностей получения дополнительных доходов от использования.

В целом, основным результатом уязвимости регионального ЛПК в социальном плане в настоящее время стала стремительно растущая, начиная с января 2009 г., безработица, которая в связи с переориентацией ряда деревообрабатывающих предприятий на сырье из соседних регионов, а также в связи с выплатами чрезвычайно высоких пособий по безработице в рамках государственного пакета антикризисных мер, может приобрести застойный характер.

При этом определяющим фактором тяжести социальных последствий в восточных районах Костромской области стало транспортно-географическое положение населенных пунктов. Кроме уже упоминавшихся монопрофильных лесных поселков, особой тяжестью ситуации характеризуются периферийные сельские поселения со слабыми сельскохозяйственными производственными кооперативами. Социальная напряженность в этих сельских поселениях носит скрытый характер, поскольку их население проявляет крайне низкую инициативу участия в государственных и региональных программах содействия занятости. Низкая инициатива объясняется тремя причинами: транспортными издержками сообщения с райцентром, информационной изоляцией, а так-

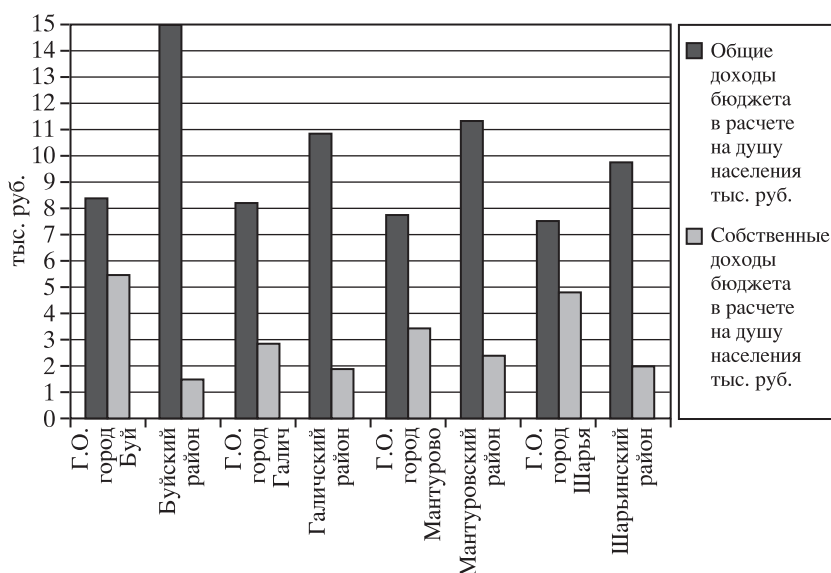

Рис. 6. Душевая обеспеченность собственными и общими бюджетными доходами в городских округах (ГО) и муниципальных районах Костромской области, тыс. руб.

же составом населения с повышенной долей пожилых людей и маргинализированных элементов из-за продолжительного миграционного оттока и негативного социального отбора [9].

В населенных пунктах, приближенных к крупным транспортным магистралям, положение населения лучше даже при удаленности от центральных мест в связи с возможностью продавать грибы, ягоды и продукцию личных подсобных хозяйств. Тем более оно лучше в поселениях, расположенных ближе к городам. В центрах занятости создается ложное впечатление о тяжести положения населения в таких населенных пунктах, поскольку оно активнее регистрируется как безработное ради большого пособия. При этом население может избегать реального трудоустройства в летние месяцы (чтобы использовать время для коммерческого сбора грибов и ягод), реже – в зимние (для коммерческой активности, связанной с охотой и лесозаготовками).

В связи с этим становится понятной особо тяжелая социальная ситуация в районах северо-восточной периферии области, удаленных от федеральной железнодорожной и региональной автомобильной трасс (Павинский, Вохомский, Октябрьский, в меньшей степени – Пыщугский и Поназыревский районы).

Источником экономической жизнеспособности периферии в значительной степени являются ресурсы регионального бюджета [15]. Федеральная и региональная бюджетная политика направлена на ликвидацию диспропорций [2]. Наблюдается

даже некая избыточность усилий по перераспределению средств. Самые слабые в экономическом плане районы имеют более высокую душевую бюджетную обеспеченность, чем локомотивы роста, а районы имеют более высокую душевую обеспеченность, чем соответствующие городские округа, обеспеченность которых *собственными* бюджетными доходами выше (рис. 6).

Посещение 6 муниципальных районов и 2 городских округов и беседы в Центрах занятости показали, что инструменты бюджетной политики могут быть неэффективными независимо от объема вовлекаемых средств. Так, чрезвычайно высокие пособия по безработице (около 5 тыс. руб.), которые стали выдаваться в 2009 г. уволенным по сокращению и некоторым другим категориям населения, привели к снижению привлекательности обширного диапазона рабочих мест с зарплатой соразмерной пособию, в том числе в деревообрабатывающей промышленности, усугубив тяжелое экономическое положение сохранившихся предприятий.

Заключение. В 2007–2009 гг. лесопромышленный комплекс Костромской области, и без того лишенный существенных конкурентных преимуществ, пострадал от совокупного действия трех факторов: изменения лесного законодательства, региональной политики лесопромышленного управления, последствий мирового финансово-экономического кризиса. Главным результатом в социальном плане стала стремительно растущая безработица, и для ряда местностей существует опасность, что она приобретет застойный характер.

Города, являющиеся транспортными узлами и центрами обрабатывающей промышленности, пострадали в меньшей степени, чем специализированные на лесозаготовках поселки в периферийных районах. Текущие кризисные явления в очередной раз продемонстрировали крайнюю уязвимость монопрофильных населенных пунктов, планомерно создававшихся в целях развития отдельных отраслей экономики и мощно дотированных в советское время.

Проведенный анализ приводит к выводу, что в решении социальных проблем лесных регионов нужно с большой осторожностью применять стандартные инструменты финансово-экономического регулирования, поскольку они могут давать побочные эффекты, объяснимые с учетом транспортно-географического положения и других географических особенностей местности.

В Костромской области и других регионах, занимающих промежуточное положение между транспортно освоенными, концентрирующими обрабатывающую промышленность и периферийными, концентрирующими запасы древесины регионами, требуется в первую очередь принятие мер для оздоровления социальной ситуации в сельской местности и только затем для повышения конкурентоспособности регионального лесного фонда на рынке сыrorастущей древесины. Игнорирование проблем села приведет к опустению сельской местности, нехватке рабочей силы для лесозаготовок, сжатию освоенного пространства до нескольких городов вдоль крупных транспортных магистралей и пригородов регионального центра, дальнейшему разрушению инфраструктуры и, таким образом, к полной потере конкурентоспособности лесного фонда. Первоочередной социальной мерой должна стать поддержка МУСП (муниципальных унитарных сельскохозяйственных предприятий) и сельскохозяйственных производственных кооперативов, которые несмотря на экономическую убыточность продолжают выполнять важную социальную функцию упорядочивания жизни местных сообществ. Важнейшим средством поддержки может стать предоставление им льготных условий аренды лесных участков, поскольку лес на сельскохозяйственных землях в предыдущие годы служил для сельхозпредприятий единственным твердым источником дохода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин В.Л.* Микрогеографический анализ социально-экономической динамики периферийных

сельских районов (на примере Кологривского района Костромской области) // Региональные исследования. 2006. № 4(10).

2. *Зубаревич Н.В.* Стратегии пространственного развития в период экономического роста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2008. № 1.
3. *Кожухова Л.И.* Социально-экономические проблемы устойчивого развития лесного хозяйства российских регионов. М.: МГУЛ, 2003.
4. *Кондратьев В.А.* Современное состояние лесопромышленного комплекса России. М., 2002.
5. *Кузьминов И.Ф.* Костромская периферия: социально-экономические последствия трансформации лесопромышленного комплекса // Ближний Север между прошлым и будущим. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010.
6. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ.
7. Лесной кодекс Российской Федерации от 29.01.1997 № 22-ФЗ.
8. *Нефедова Т.Г.* Прошлое, настоящее и будущее староосвоенных периферийных районов Нечерноземья (на примере Костромской области) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 166–183.
9. *Нефедова Т.Г.* Социально-экономическая и пространственная самоорганизация в сельской местности // Мир России. 2003. Т. 12. № 3. С. 35–61.
10. *Нефедова Т.Г.* Социальные ограничения развития аграрного сектора России // Электронный журн. SPERO. 2008. № 9. С. 37–53.
11. Основы лесного законодательства Российской Федерации (утв. ВС РФ 06.03.1993 № 4613-1).
12. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли России (minprom.gov.ru). Приказ Минпромторговли РФ от 28.01.09.
13. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства (rosleshoz.gov.ru), Мониторинг печатных и электронных СМИ от 31.03.2008.
14. *Пилясов А.Н.* Региональная собственность в России: свои и чужие // Отечественные записки. 2005. № 1. С. 84–112.
15. *Пилясов А.Н.* Сообщества северной периферии на этапе индустриальной трансформации // Север: проблемы периферийных территорий. Сыктывкар, 2007. С. 35–56.
16. Проект Лесного плана Костромской области. Федеральное агентство лесного хозяйства, Филиал ФГУП “РОСЛЕСИНФОРГ”, “Центрлеспроект”. Кострома, 2008.
17. Регионы России. 2008 г. Федеральная служба государственной статистики, 2009.

18. *Тацюн М.В.* Совершенствование системы управления лесопромышленным комплексом России. СПб., 1996.
19. *Тацюн М.В.* Лесопромышленный комплекс России в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1995.
20. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 369 с.
21. Федеральный закон Российской Федерации от 04.12.2006 г. № 201-ФЗ “О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации”.
22. Федеральный закон Российской Федерации от 14.03.2009 № 32-ФЗ “О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”.
23. Финансовые отчеты муниципальных образований Костромской области за 2008 г., за первое полугодие 2009 г.

Social and Economical Problems of Forest Industry in North European Region of Russia

I.F.Kuzminov

Institute of Geography, RAS

The article defines framework for identifying current socio-economic problems of forest industry in Northern European Russia regions and presents analysis of identified problems on regional and local levels for the case of Kostroma region. Main institutional shifts during 1990–2000-s are discussed, along with economical problems of regional forest industry systems and their social implications, as well as how companies and rural communities of the Kostroma region face challenges of ongoing economical recession in 2009.